

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	11
ЗАБУДЬТЕ ВСЁ	13
УСПЕТЬ ПОПРОЩАТЬСЯ С НЕБЫВШИМИ	22
ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СИНИЦА	29
КСТАТИ, О ФИЛЬМАХ	34
ДЕВОЧКА ИЗ ТЕМНОТЫ	40
ЭТУ РАНУ НЕ ЗАЛЕЧИТЬ	47
ГЛАДКАЯ КОЖА ДУШИ	54
ПЛАЧУЩИЕ ИВЫ ЯПОНСКОГО ЛЬВА	60
«ПОСЕМУ Я ПРОШУ ТЕБЯ, БРАТ ИОСИФ, ЗАБЕРИ ЕГО СЕБЕ ДОМОЙ»	64
ШУМ ОКЕАНА И ДОВЛАТОВ	67
НЕ ПОВТОРЯЙ ЗА МНОЙ	70
ЖИЗНЬ БЕЗ АВТОКОРРЕКТОРА	107
МОЗГИ И РОЗЫ	113
МЕД ПОЭЗИИ	118
Я ЧЕЛОВЕК-АНГЕЛ	126

СНЕЖНАЯ ТОЧКА	132
НАСТОЯЩЕЕ СЕРДЦЕ БЛОКА	137
СВЕЧА В МЕРТВОМ ПЕРЕУЛКЕ	143
МАЛО ЛИ ЧТО ЧЕЛОВЕК В ДНЕВНИКЕ НАПИШЕТ..	148
ПИСЬМА УЛИТОК К БОГУ	156
НЕЛЬЗЯ ПРЕДСТАВИТЬ ХРИСТА ХОХОЧУЩИМ	161
ПРИЗРАКИ И СОБАЧКИ	166
ТИХИЕ СВИДЕТЕЛИ.....	173
СОЛНЕЧНЫЕ УЛИЦЫ БЕЗ КОНЦА	181
РОЗЫ ЗЕЛЕННОГО ЦВЕТА И ПЕРЧАТКИ	186
ВСЁ ОДНОВРЕМЕННО	191
АПОКРИФ	197
МУЗА МАНДЕЛЬШТАМА	204
СМЕРТИ НЕТ	207
РАЗВЯЖИТЕ МЕНЯ	212
КОГДА МЫ ОТЛЕПИМСЯ	217
ОТВЕЧУ ЗА БАРЫШНЮ	226
ПТЕНЧИК СОЛЖЕНИЦЫНА	233
ПОЦЕЛОВАТЬ СПЯЩИХ, УХОДЯ	239
ВСЯКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ — БОЛЬ	245
НЕБЫВАЛОЕ СОЛНЕЧНОЕ ЯБЛОКО.....	252
ЧТО ГЛАГОЛЕТЕ?	258
УХОДИТЬ И ОБОРАЧИВАТЬСЯ	264
И ДЕВОЧКА РАССМЕЕТСЯ	268
КОГДА МЫ ПРЕВРАТИМСЯ В ТРАВУ	274

МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ	280
БАБУШКИНА ШКАТУЛКА	287
И ТУТ ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. <i>Новые стихи</i>	295
Я буду никнуть, горевать...	297
Стихи ни для кого	298
«Дочка-дочка, будь добра...»	300
Ты еще не знаешь...	302
51 – 16 = 35	305
Снова убираю комнату	306
Если нет от тебя смс...	309
Пускай, пускай повалит этот снег...	311
Кстати, о бабушках	312
Я загнан, я подстрелен, я дрожу...	314
Эпилог	315

*Спасибо этому дому.
Пойдем к миру иному.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

***

Полетели утки-гуси, полетели
низко-низко, часто-часто, как к дождю.
Над Москвою, над Манежем, над метелью,
Надо мной, как над рекою. (Не могу.)

У папаши, у мамыши будет праздник,
холодец, мясное разное, кутья,
торт творожный и блины с припеком.
Разве мы напрасно напекли их? (Без тебя.)

Над Москвою, над Парижем, над Понежьем
(за холмом — всегда — не русская земля)
кличут гуси-утки. Где же, где же
полосатая рубашечка твоя?

Поглупели наши гуси, постарели,
округлили подбородок и живот.
— Больше в подполе, под крышкой, за метелью
наша радость с нами не живет.

Гусь — смешно, а заяц — ненадолго.
Сытый селезень, используй власть свою:
у меня болит, болит твоя иголка,
я сейчас ее переломлю.

Чтоб полезли пятна и морщины
в носогубье, в забывки глаз:
гуси-лебеди уйдут, уйдут мужчины,
только счастье не уйдет от нас.

Потому что с дальнего Азова
не доступный ни для пушек, ни для стрел,
это я в веночке роз, в венке терновом,
как Кашей бессмертный, прилетел.

И стою, и плачу поминутно
посреди толпы, как бы во сне,
и твержу: «Отдайте утку, утку,
утку с зайчиком моим — отдайте мне».

ЗАБУДЬТЕ ВСЁ

— Бабушка, расскажи мне подробней, пожалуйста, о дедушке.

— Да я не помню уже ничего.

— Ну а давай я тебе буду задавать вопросы, а ты будешь отвечать. Я помогу тебе вспомнить.

— А я не хочу.

Приснившаяся бабушка смотрит за окно, там солнце, там лето, там жизнь. Бабушке нравится жизнь.

А потом приходит первая гроза, прекрасная, быстрая, обрушивается в ярости на загустевшую, возмужавшую зелень, но приходит ненадолго — уже через пять минут чистое небо; впрочем, и оно ненадолго: после этих пяти минут жизнь переходит в затянувшийся, долгий, тяжелый, но какой-то редкий дождь. Как-кап-кап.

Как будто эта гроза — первые всадники, быстрая конница: налетела, смела всех, ускакала, — и вот уже тянутся бесконечные обозы наступающей армии: солдаты, солдаты, подводы, санчасть, — и все, мы уже в глубоком вражеском тылу.

Вот и бабушка во вражеском. Ей не нужно прошлое. Ей нравится дождь. Это в детстве такие дни расстраивали, в старости же — радуют. Некуда идти, не зачем, сиди у окна, ешь печенье мадлен. Солнце ли там, дождь. Все хорошо, если не болеешь. Живи медленно и скучно, как в вымышленном прустовском Комбре. Чем плохо? Бабушке нравится сниться.

Пруст и хотел, чтоб его книга была как бабушкин дождь. Монотонный, тяжелый, непрерывный, но редкий, не ливневый. Он даже требовал от издателей, чтобы они публиковали его роман без отступов, чтоб не было абзацев, даже в диалогах. Не надо никаких красных строк, пусть все будет в сером туманном мареве. Андре Моруа в книге «В поисках Марселя Пруста» пишет, что Пруст хотел, чтобы текст его книги шел непрерывно, как бы заполнял собой всю страницу, не оставляя воздуха. «В непрерывный текст входит больше слов». Но издатели помогли, сделали текст по старинке. Зря.

Прощай! Все мінет: сад и дом,
двух душ таинственные распри
и медленный любовный вздох
той жимолости у террасы.

В саду у дома и в дому
внедрив многозначенье грусти,
внушала жимолость уму
невнятный помысел о Прусте.

Настоящая бабушка, кажется, не любила Ахмадулину. Ей нравился Гейне (она когда-то учила немецкий). Но если бы она знала это стихотворение Ахма-

дулиной, то, скорей всего, сказала бы, что Ахмадулина права. Помысел о Прусте может быть только невнятным: в невнятный замысел входит, как известно, больше слов. (Слов, заметьте, не дел.)

Неродной дедушка же, наверное, полагал, что реальные поступки вообще всяких невнятных замыслов лучше, всяких приснившихся (мне) бабушек. Теперь даже смешно: вернулся через несколько лет, когда уже все были немолоды, когда реальной бабушке уже было пятьдесят. Зачем? «Тебе же будет плохо одной?»

Нет.

Я когда-то читал, что в ночь смерти Пруст диктовал своей помощнице и секретарю Селесте добавления и исправления к «Поискам утраченного времени», потом устал.

Кажется, мне труднее диктовать, чем писать. Это все из-за дыхания.

После чего возьмет перо и больше часа продолжит писать сам.

В память Селесты врежутся потом стрелки часов, которые покажут время, когда перестанет двигаться перо, — ровно три с половиной часа ночи. Пруст скажет Селесте:

Я слишком устал. Достаточно. Больше нет сил.

Вот и бабушке больше не хватало на эти приходы-уходы сил: не надо ей помогать. Напомогались.

Она, как Пруст, наверное, мечтала о круглой идеальной книге. И пусть она не писала ее — проживала,

но всегда знала: эта книга — ее. Поэтому не надо портить финал. Для Пруста, которому постоянно не хватало места для дополнительных пометок и правок, Селеста, например, придумала подклеивать к черновикам сложенные гармошкой листы, но бабушка знала, что обойдется без всякой Селесты. Она сама вклеит дополнительные листы.

Прощай! Прощай! Со лба сотру
вспоминанье: нежный, влажный
сад, углубленный в красоту,
словно в занятии службой важной.

...Однажды к советскому психологу и врачу-невропатологу, одному из основателей нейропсихологии Александру Романовичу Лурию пришел пациент с просьбой проверить свою память. У него была проблема: он как раз вспоминанье стереть не мог.

В своих бумагах Лурия записал его как пациента Ш.

Ш. служил репортером в одной из газет и несколько раз уже пугал своего начальника, когда тот по утрам раздавал своим подчиненным задания, перечисляя список мест, куда те должны были пойти, и уточняя факты и фамилии. Пугал же Ш. своего начальника одной необъяснимой особенностью.

Список адресов и поручений был достаточно длинным, и редактор с удивлением отметил, что Ш. не записал ни одного из поручений на бумаге. Редактор был готов сделать выговор невнимательному подчиненному, но Ш. по его просьбе в точности повторил все, что ему было задано. Редактор попытался ближе разобраться, в чем

дело, и стал задавать Ш. вопросы о его памяти, но тот высказал лишь недоумение: разве то, что он запомнил все, что ему было сказано, так необычно? Разве другие люди не делают то же самое? Тот факт, что он обладает какими-то особенностями памяти, отличающими его от других людей, оставался для него незамеченным.

После чего уже и сам Лурия смог наглядно убедиться: у Ш. действительно память была аномальной — он помнил все.

Сперва невропатолог предложил Ш. ряд слов, потом ряд чисел, а затем и ряд букв, которые он медленно читал или показывал пациенту в письменном виде. Ш. внимательно выслушивал или читал то, что ему предлагали, а потом в идеальном порядке воспроизводил все по памяти.

Это было похоже на чудо или фокус.

Тогда Лурия попробовал усложнить задание, но результат был снова такой же: пациент закрывал глаза (или смотрел в одну точку), потом, когда ряд в семьдесят слов или чисел заканчивался, делал паузу, мысленно проверял в памяти услышанное, а затем без ошибок воспроизводил весь этот длинный ряд.

Надо сказать, это была не единственная их встреча, за ними последовал еще ряд сеансов. Причем некоторые сеансы были разделены годами.

Результаты эксперимента были ошеломительны.

Оказалось, что память Ш. не имеет ясных границ не только в своем объеме, но и в прочности удержания слов. Опыты показали, что он с успехом — и без заметного труда — может воспроизводить любой длинный